

Турки и курды: вечная спираль войны на Ближнем Востоке

© Сафарян Л. А.

© Safaryan L.

Турки и курды: вечная спираль войны на Ближнем Востоке

Turks and kurds: an eternal spiral of war in the Near East

Аннотация. Проанализированы основные факторы возникновения и развития турецко-курдского конфликта. Приведены ключевые этапы становления курдского движения и особенности политики турецкого правительства в отношении курдского меньшинства. Показано нарастание нового витка турецко-курдского противостояния на фоне сирийского кризиса и политики Эрдогана.

Annotation. The article analyzes the main factors that led to the generation and development of the Turkish-Kurdish conflict. The article contains the crucial stages of the formation of the Kurdish movement and the features of the Turkish government's policy towards the Kurdish minority. It becomes obvious that a new round of Turkish-Kurdish confrontation is growing against the background of the Syrian crisis and the policy of Erdoğan.

Ключевые слова. Турецко-курдский конфликт, Мустафа Кемаль Ататюрк, Режеп Тайип Эрдоган, Рабочая партия Курдистана, Турецкий Курдистан, курдский вопрос.

Key words. The Turkish-Kurdish conflict, Mustafa Kemal Atatürk, Recep Tayyip Erdoğan, The Kurdistan Workers' Party, Turkish Kurdistan, the Kurdish issue.

Генезис курдского конфликта в Турции: проблемный пазл в мозаике турецкого государства

В самом основании Турецкой Республики, провозглашенной в октябре 1923 г., лежало ключевое противоречие, которое невозможно было бы игнорировать, — национальный вопрос. Новая республика унаследовала от Османской империи пласт межэтнических противоречий. К началу 1920-х гг. после подписания Лозаннского договора 1923 г., заменившего Севрский договор 1920 г., национальные чаяния армян и курдов сошли на нет. В рамках Турецкой Республики, которой предстояли модернизация и вестернизация под руководством Мустафы Кемала Ататюрка, вырабатывалась формула, которая позволила бы, чтобы «страна не повторила судьбы Османской империи, а ее основатели стремились как можно прочнее закрепить унитарный и неделимый статус новой Турции» [1. С. 16].

САФАРИАН Левон Араикович — сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО(У) МИД России.

Весь вектор основополагающих элементов новой турецкой государственности, которые были определены Ататюрком, был в полной мере реализован в новой Конституции 1924 г. Именно тогда было введено понятие «национализма или унитаризма», что отразилось и в статье 66 современной Конституции, согласно которой «все, кто связан с турецким государством через институт гражданства, являются турками» [1. С. 16].

Для осуществления стратегических целей молодого государства необходима была стабильная внутривнутриполитическая обстановка. Мустафа Кемаль видел одним из гарантов такой стабильности «этническую унификацию»: преобразование турецкого государства по признаку однородности его населения. По иронии судьбы, к курдам в Турции начали применяться механизмы, похожие на применявшиеся в отношении армян, в уничтожении которых курдские формирования принимали активное участие. Турецкое руководство взялось за практическое осуществление концепции «Турция — только для турок», что выразилось в принятии ряда законов и административных распоряжений, целью которых являлось распыление и рассеяние по Турции групп этнических меньшинств и облегчение их быстрой ассимиляции. Таким образом, «перед всеми... национальными меньшинствами, к которым относились курды, была поставлена правительством Мустафы Кемала Ататюрка грозная альтернатива: “или ассимилироваться, стать турками — или уйти из Турции”» [9. С. 124].

Турецкие руководители с момента основания Республики на конституционном уровне последовательно и жестко старались закрепить территориальную целостность и этническую однородность. Но эти меры вызывали обратный эффект, становясь причиной столкновения с национальными меньшинствами, самым значительным из которых являются курды.

Первые плоды противостояния: курдские восстания

Противоречия проводимой турецким правительством политики проявились уже в 1920—1930-х гг., которые были ознаменованы тремя крупными курдскими восстаниями и 12 незначительными. Самым мощным из них считается восстание 1925 г. под руководством шейха Саида, в основе которого лежали религиозные мотивы. В марте 1924 г. был отменен халифат и запрещены любые религиозные учреждения, что вписывалось в рамки светского государства. Именно поэтому восставшие курды активно использовали джихадистские лозунги, а сам шейх Саид был лидером религиозного ордена Накшбанди из Пирана. В данном движении религиозные мотивы преобладали над национальными, т. к. главенствовали межплеменные и феодальные отношения. Костяк лидеров восстания составляли курдские землевладельцы (*ага*) и шейхи. Этот факт является свидетельством постепенного, но долгого и противоречивого процесса трансформации религиозных мотивов в национальные.

О том, что курдский национализм на тот момент находился на самом раннем этапе своего становления, говорит тот факт, что часть влиятельных и крупных курдских ага из Диярбакыра осталась лояльной правительству. Феодалные и межплеменные противоречия вкупе с религиозными мотивами перевешивали национальные. Но уже тогда проявился мощнейший потенциал курдов в рамках ведения борьбы с Анкарой: восстание распространилось в Эрзуруме, Диярбакыре, Муше, Ване и Битлисе; на его подавление было брошено 35 тыс. солдат и авиация.

Религиозный аспект, который объединил немалую часть курдских племен, в то же время оттолкнул другие племена, в особенности алевитов и езидов, с подозрением относившихся к ордену Накшбенди. Восстание, начавшееся в феврале 1925 г., было подавлено к осени, а в сентябре около 50 лидеров во главе с Саидом были повешены. Центральное правительство начало политику массового переселения населения из юго-восточных провинций в западные для дальнейшей ассимиляции. В связи с этим А. Тойнби отметил отсутствие стратегической политической мысли для выстраивания конструктивных отношений с курдами: «турки никак не поддерживали националистические ожидания курдов. Взамен они им предложили политику туркизации, централизации, секуляризации и европеизации — ту политику, которая и привела к этому восстанию» [13. С. 310].

Первые шаги курдской общественной жизни

Магистральные направления политики, проводившейся Мустафой Кемалем для модернизации, шли вразрез со сложившимися феодальными и патриархальными межплеменными структурами курдского общества, которое становилось чужеродным элементом в системе нового государства. Кроме того, данный факт был закреплен в первой Конституции 1924 г., пронизанной идеями молодого турецкого национализма, заметно более последовательного, чем курдский, который лишь начал свое становление.

Данное положение вещей вело к дальнейшей эскалации напряженности и приданию этому противостоянию чисто этнического характера, когда государствообразующая нация сталкивается со значительным национальным меньшинством. Для турецкого лидера курдский вопрос становился дополнительным фактором напряженности вкупе со стратегически важной проблемой определения границы с Ираком — вопросом о присоединении богатого нефтью Мосульского вилайета.

В марте 1926 г. была установлена «Брюссельская линия», а в июне — подписан трехсторонний Анкарский договор, устанавливающий турецко-иракскую границу. С этого периода «в политике Кемалю вопрос о Курдистане имеет первоочередное значение. Кемалистская политика сводится к ассимиляции курдского населения в новом турецком государстве» [8. С. 91]. После подавления восстания 1925 г. был принят государственный «План умиротворения на Востоке», направленный

на ликвидацию попыток оформления собственно курдской самоидентификации. Об этом свидетельствует параграф 13, в котором отмечалось, что курды, проживающие на юго-востоке страны, «на самом деле являются турками, которые по ошибке стали считать себя курдами» [12. С. 302]. Для постепенного отуречивания населения предлагались стандартные меры: ограничение преподавания и вообще использования курдского языка, открытие школ и просветительских центров на турецком языке, что вписывалось в принятую кемалистами концепцию, согласно которой все граждане страны признавались турками. Отрицалось их этническое происхождение, а самоидентификация по национальному признаку подменялась территориально-национальным признаком.

Отсутствие общекурдской организации, которая стала бы выразителем идеи независимости, становилось фактором, тормозящим становление курдского национализма. Продолжение же курдских восстаний в середине 1920-х гг., — среди которых можно выделить, кроме восстания шейха Саида, движение Махмуда Барзанджи в Ираке и движение Симко в Иране, — стало доказательством необходимости создания такой организации. Первой из них стал созданный в 1927 г. в Сирии и Ливане курдский комитет «Хойбун» («Независимость»), в состав которого вошли несколько незначительных курдских нелегальных политических группировок. Однако потенциал «Хойбуна» в военно-политическом отношении был крайне невысок. Данная организация стала первой платформой, объединившей различные курдские группы, основу которых составляли не племенные вожди и крупные землевладельцы, а молодая курдская буржуазия и интеллигенция. Этот фактор стал импульсом для идейного оформления курдского национализма, ведь его проводником не могли стать традиционные феодалы, мыслящие в категориях триализма.

В противовес молодой националистической организации существовало Общество возрождения Курдистана, которое трансформировалось в Турецко-курдское общество Халифата. Это общество сохранило религиозные мотивы борьбы, что контрастировало с «Хойбуном», для которого реставрация в Турции власти султана-халифа не могла быть стратегической задачей. Можно говорить об отсутствии единства как среди самих курдов Турции, так и с их соплеменниками в соседних государствах. Если «Хойбун» пользовался определенным влиянием среди курдов Турции и Сирии, то Турецко-курдское общество Халифата действовало в Северном Ираке. Важно отметить глубокую пропасть между социальными слоями в обеих организациях: в состав «Хойбуна», как говорилось выше, входили представители молодой буржуазии и интеллигенция, а костяк Турецко-курдского общества Халифата составляли племенные вожди и землевладельцы.

Отсутствие единства среди курдов Турции стало выгодным фактором для правительства: уже в 1927 г. в юго-восточных вилайетах с преобладающим курдским населением были сформированы Генеральные инспекции — специальные административно-территориальные зоны,

в которых усиливались полицейский надзор и репрессивный механизм. В 1927 г. отряды Генеральных инспекций занимались переселением курдов с юго-востока страны к Черному морю и в западные провинции. Параллельно правительство осуществляло процесс заселения мятежных вилайетов населением с запада и турками с Балкан и Кавказа. Переселенческая политика активно сопровождалась искоренением курдского языка и заменой его турецким.

Активное наступление властей на курдскую идентичность вызвало ответную реакцию и привело к довольно мощному Араратскому восстанию 1927—1932 гг. Религиозные мотивы были отеснены политическими требованиями, что стало логическим ответом на проводившуюся ассимиляцию [4. С. 165]. Именно в этом восстании активную роль сыграл курдский комитет «Хойбун», при участии которого была создана Араратская республика. Но отсутствие четкой политической программы и начавшиеся противоречия между самими племенами вкупе с брошенными на подавление волнений 60 тыс. турецких солдат и авиацией обрекли восстание на провал. Несмотря на годовое сопротивление, в октябре 1931 г. Араратская республика пала, а вожди восстания были приговорены к смертной казни.

Все дальнейшие локальные выступления вплоть до восстания 1937—1938 гг. были ограниченны: они не носили массового характера и отражали степень влияния тех или иных вождей курдских племен, которые мало заботились об объединении со своими соплеменниками. Это дает право утверждать, что «до 50-х годов вооруженные выступления курдов против центральной государственной власти любой из стран мотивировались лишь интересами курдских элит, вождей, шейхов, крупных землевладельцев, но никак не простого народа» [4. С. 167]. В 1920—1930-х гг. последним крупным выступлением курдов стало Дерсимское восстание (1937—1938 гг.), основу которого составляли курды-алевиты. Регион Дерсим, переименованный в 1935 г. в Тунджели, стал центром проведения ассимиляционной политики, что вызвало ответную реакцию дерсимских курдов (кызылбаши, или алевитов). Стоит отметить, что до 1930-х гг. труднодоступный горный регион Дерсим был оторван от правительства и фактически вел полуавтономное существование. Дерсим был центром курдского алевизма, чьи адепты не признавали власть халифа при Османской империи. Поэтому ряд жестких мер правительства, планы по расселению Дерсима, его переименование и изменение административных границ привели к восстанию во главе с вождем курдского племени аббасушак Сеитом Ризой.

Активные действия турецких войск летом 1937 г. заставили Ризу и других алевитских вождей обратиться за помощью к англичанам и к Лиге Наций с призывом прекратить «тиранию турецкого правительства против прав человека в Курдистане» [4. С. 169]. Немаловажно, что в данных обращениях дерсимские курды, основу которых составляли кызылбаши (алевиты) и заза, признавались неотъемлемой частью единой курдской нации [4. С. 169]. Дерсимское восстание было жестоко подавлено, а меры, принятые Анкарой в отношении местных курдов, напоминали

«политику интенсивного отуречивания и фашистские методы управления» [11. С. 26].

Курдское движение на политической арене Турции: НОВЫЙ ПОЛЮС КОНФЛИКТА

Вплоть до конца 1950-х гг. курдский вопрос активно не ставился в повестку дня турецкой политики. Более того, в 1947 г. был отменен закон о поселениях, принятый после восстания шейха Саида в 1927 г. (предусматривал активное переселение курдов из юго-восточных провинций на запад). Вскоре были ликвидированы Генеральные инспекции. Однако события в соседних странах вызывали беспокойство в Анкаре: в 1946 г. была создана курдская Мехабадская республика на территории Иранского Курдистана, в 1940—1950-е гг. активизировалась борьба иракских курдов во главе с Мустафой Барзани. В самой же Турции после выборов 1950 г. в Великое национальное собрание Турции (ВНСТ) вошли представители населения юго-восточных провинций, которые не сотрудничали с проигравшей Народно-республиканской партией.

Именно поэтому в период 1950—1960-х гг., «когда у власти находилась Демократическая партия, ситуация несколько улучшилась, однако недовольство зрело, репрессии продолжались» [6. С. 468]. Цепь событий в регионе, среди которых необходимо выделить свержение королевской династии в Ираке в июле 1958 г. и возвращение М. Барзани в Ирак, совпала с активизацией борьбы с западной колониальной системой на Ближнем Востоке, одной из опор которой являлась Турция.

Данная тенденция вызывала обеспокоенность правых националистов и военных, которые считались гарантами светскости и стабильности государства. Уже в конце 1959 г. в Стамбуле и Анкаре были задержаны 40 курдских активистов—членов Революционной курдской партии, чья идейная платформа напоминала программные установки Барзани. После того, как было задержано еще 9 человек, эта группа получила название «Группа 49». Государственный переворот в Турции в мае 1960 г., в результате которого к власти пришел Комитет национального единства во главе с Джемалем Гюрселем, стал катализатором для ужесточения репрессий в отношении курдов, что сразу же проявилось в задержании порядка 485 человек и их заключении в концентрационный лагерь под Сивасом [12. С. 520].

Одним из ключевых аспектов становления курдского национализма является синтез национальной идеологии с коммунистическими идеями. Однако первым настоящим политическим движением принято считать Демократическую партию Курдистана в Турции (ДПТК), которая была создана при поддержке иракских курдов в 1965 г. В программных установках партии значились идеи культурно-административной автономии курдов, признание их прав и создание подходящих условий для развития национальной культуры. В связи с этим справедливо утверждение, что «движение Барзани в Ираке в середине шестидесятых годов оказывало сильнейшее влияние и на рост курдского национализма

в Турции» [4. С. 203], ведь ДПТК во многом копировала установки иракской Демократической партии Курдистана М. Барзани.

В конце 1960-х гг. в Стамбуле и Анкаре союз левого движения и курдского национализма находил среди населения все больший отклик, что выражалось в создании Революционных комитетов освобождения Востока (РКОВ), в состав которых входили курдские студенты и интеллигенция, ставшие «драйвером» для развития национальной идеи. В 1970-х гг. постепенно расширялась социальная база таких движений, но «ряд курдских националистических организаций, например ДПТК, уже имели в программных документах больше идеологически близких моментов с коммунистами, нежели с прокурдски настроенными движениями» [4. С. 203].

Если в 1920—1930-е гг. в курдском движении доминирующую роль играла религия, то уже в 1970-х, когда политический ислам в Турции находился под запретом со времен Ататюрка, она вытеснялась левой идеологией, марксизмом и даже маоизмом, которые стали эффективным элементом курдского национализма и его составной частью. Этот период — время создания многочисленных партий и движений, объединяющих не только самих курдов, но и другие этнические меньшинства, а также различные социальные слои, во многом за счет прокоммунистических лозунгов в совокупности с идеями национального освобождения. Другой важной причиной «всплеска курдского национального самосознания и политизации значительной части курдского населения» во второй половине 1970-х гг. стало «быстрое разрушение курдского племенного единства, особенно в городах» [7. С. 257—258].

Уже в 1969 г. вследствие внутрипартийных разногласий в ДПТК от партии откололась радикальная группировка, выступавшая за полную независимость Курдистана. Многие лидеры курдских организаций левого толка мыслили категориями не столько сугубо национальных устремлений, сколько классового подхода. Именно поэтому они рассматривали Курдистан как импульс к объединению и активизации деятельности всех левых сил в регионе. В связи с этим в первой программе Рабочей партии Курдистана 1978 г. отмечалось, что Курдистан представляет собой некое подобие традиционной колонии, которая контролировалась империалистическими державами (Турцией, Сирией, Ираком и Ираном), но его потенциал и стратегическое положение делают его уязвимым звеном в «империалистической цепи Ближнего Востока» [4. С. 205].

Столь воинственные и довольно жесткие лозунги, которые становились идейной основой курдского движения, вызывали ответную реакцию со стороны Анкары. Это особенно ярко проявилось после государственного переворота 1971 г., когда военные возобновили репрессии, арестовав несколько тысяч сторонников ДПТК. В ответ на эти меры на VIII пленуме партии в 1974 г. было принято историческое решение, которое в дальнейшем во многом предопределило характер конфликта: единственным возможным способом национального освобождения провозглашалась вооруженная борьба.

В 1975—1978 гг. создавались различные курдские группировки со всем спектром политических воззрений: маоистская группа «КАВА» и проалбанская «КАВА-РЕД», «Национальные освободители Курдистана», Социалистическая партия Турецкого Курдистана, «Ала Рызгари» («Знамя освобождения»); сама же ДПТК с принятием в 1977 г. новой программы стала Партией рабочих Курдистана. Многие из них пользовались поддержкой крестьянства и немногочисленной буржуазии. Всего к началу 1980-х гг. на внутривнутриполитической арене Турции действовало порядка 10 нелегальных курдских группировок. Говоря о турецко-курдском конфликте и о становлении курдского движения, нельзя не рассмотреть идеологию и деятельность Рабочей партии Курдистана (РПК) во главе с ее лидером Абдуллою Оджаланом.

Рабочая партия Курдистана в авангарде общенациональной курдской борьбы

В целом становление идеологии Рабочей партии Курдистана (РПК) отражает глубинную суть самого турецко-курдского конфликта. Стратегический союз курдской национальной идеи с марксизмом был возможен при наличии подходящих социально-экономических условий. Именно поэтому религиозные мотивы, которые упоминались при восстании шейха Саида 1925 г., и традиционные племенные отношения сменились левой идеологией с идеей особой роли трудового класса в избавлении от социальных бед. Этому способствовала диспропорция в экономическом развитии западных и юго-восточных провинций Турции.

Идеологи партии рассматривали курдский национализм в качестве предтечи оформления прогрессивных сил в Курдистане, который должен был трансформироваться во всеобщее рабочее движение в регионе. Данные факторы позволяют турецкому исследователю Х. Явuzu отмечать, что «именно социальная неустроенность, невозможность в тот период для молодых курдов найти работу, а также общая политическая нестабильность в стране» оказали воздействие на этот удивительный синтез курдской национальной идеи и марксизма, что привело к «идеологии курдского национализма крайне левого толка» [14].

РПК была основана А. Оджаланом в ноябре 1978 г., а ядро партии составляла группа «Революционеры Курдистана». Ставка на курдский национализм и марксизм позволила РПК получить поддержку Революционной левой партии, Турецкой рабоче-крестьянской освободительной армии, Красной Армии народной коммунистической партии и фронта Турции. Апочисты, как называли сторонников РПК (из-за прозвища Оджалана «Апо» — дядюшка), пытались занять доминирующее положение в курдском движении, что свидетельствовало об отсутствии политического единства в среде самих турецких курдов. При этом они смогли заручиться поддержкой Фронта освобождения Палестины, что позволило получить им лагерь Хельва в Сирии для подготовки боевиков.

В первом же политическом манифесте Рабочей партии Курдистана прослеживаются марксистские догмы, связанные с «колониальным порабощением» Курдистана, его историческим обоснованием, терминами «классовая борьба», «пролетариат» и другими постулатами марксизма. Вкупе с данными тезисами остро критиковался национализм и социал-шовинизм, а сами апочисты проводили различие между терминами «национализм» и «патриотизм». Это позволило РПК привлекать все больше левых партий курдов на свою сторону, среди которых выделялись Освободительная партия Курдистана («Рызгари»), Социалистическая партия Турецкого Курдистана и Авангардная рабочая партия Курдистана. К началу 1980-х гг. партия А. Оджалана превратилась в реальную силу на политической арене, а ее программные установки, которые сводились к независимому Курдистану, не могли не настораживать власти.

Точкой невозврата стал государственный переворот 1980 г., после которого ужесточились репрессии против курдов, что «убедило активистов левых курдских организаций в действенности исключительно вооруженной борьбы» [4. С. 232]. Переворот во главе с Кенаном Эвренем и последовавшие меры по усилению ассимиляционной политики (изменение курдских названий населенных пунктов, запрет на использование курдского языка, принятие закона о поселении 1983 г.) вызвали прямо противоположный эффект. В августе 1984 г. началась полномасштабная вооруженная борьба РПК за создание независимого социалистического Курдистана. Созданные по инициативе А. Оджалана Фронт национального освобождения Курдистана (ФНОК) и Армия освобождения народов Курдистана (АОНК) стали рупорами военного противостояния с войсками и жандармерией.

Основной целью курдских боевиков стали «сельские стражи», турецкие военные и жандармы, а также государственные и образовательные учреждения. С 1986 г. произошла мобилизация турецкой армии для ведения боевых действий на юго-востоке страны. Уже в 1987 г. в курдских провинциях был введен режим чрезвычайного положения, созданы региональные управления чрезвычайного положения, обладающие обширными полномочиями. Еще в 1985 г. были сформированы системы «сельских стражей», с помощью которых власти пытались опереться на лояльные элементы в курдской племенной верхушке, что вызвало бы раскол в курдской среде. Такие группы «сельских стражей» к 1987 г. имелись в Диярбакыре, Ване, Битлисе, Мардине и др.

Непримиримость борьбы с курдами была выражена в принятии законодательных актов: в Законе о терроризме № 3713 от апреля 1990 г. отмечалось, что «любая угроза, направленная на расчленение нации и народа, объявляется терроризмом» [4. С. 220]. Данная статья фактически сводила на нет любую возможность гипотетического обсуждения будущего курдских территорий, кроме как в составе Турции, приравнивая сепаратизм к терроризму.

Курдская проблема выходит на региональный и международный уровень

К началу 1990-х гг. курдский вопрос перестал быть предметом сугубо внутренней политики: в мае 1990 г. Европарламент принял резолюцию, осуждавшую действия курдских боевиков и жесткую позицию властей. В 1991 г. лидер Социально-демократической народнической партии Турции Эрдан Иненю, чья партия в июле 1990 г. представила план по умиротворению юго-востока страны, заявил о необходимости пересмотра политики правительства в отношении курдов. Первым результатом возможной «оттепели» в конфликте стали меры, принятые в 1991 г. президентом Тургутум Озалом. Тактика апочистов, которая свелась к экономическому саботажу, террористическим актам в отношении государственных учреждений, чиновников и военных, особенно в крупных городах, давала некоторые результаты. Впоследствии она оборачивалась ответными жесткими мерами со стороны властей.

У Анкары имелись явные причины для беспокойства, т. к. в соседнем Иракском Курдистане в связи с событиями войны в Персидском заливе в 1990—1991 гг. было создано де-факто курдское самоуправление. Некоторые примирительные жесты со стороны правительства сменились проведением серии военных операций армии против активистов РПК в северных провинциях Ирака. Труднодоступные Кандильские горы являлись эффективным плацдармом для ведения партизанских действий. Другим значимым фактором была негласная поддержка РПК со стороны Сирии: режим Хафеза Асада видел в курдах возможность давления на Турцию, проявлявшую упорство в деле распределения водных ресурсов Евфрата. Это усиливало напряженность в турецко-сирийских отношениях.

В 1991 г. сложилась обстановка, при которой «турецкие курды получили возможность свободно перемещаться по территории северного Ирака и приобрели каналы доставки оружия из Ирака, Ирана, Сирии, Ливии, а также из Греции и с Южного Кипра» [4. С. 258—259]. Рейды турецкой армии вглубь иракской территории считались руководством страны жизненной необходимостью, что было вновь продемонстрировано в ходе повторного вторжения в Ирак в августе 1992 г. Вкупе с военными операциями турки активно сотрудничали с вождем иракских курдов Мустафой Барзани и его Демократической партией Курдистана, чьи пешмерга (вооруженные формирования) принимали участие в боях с РПК. Конфликт между сторонниками Оджалана и Барзани привел к потере баз апочистов на севере Ирака, а в 1992 г. Иран и Сирия также отказали им в поддержке.

В столь тяжелых для продолжения ведения борьбы условиях у А. Оджалана не оставалось альтернатив. Ему было не только необходимо согласиться на посредничество другого лидера иракских курдов, руководителя Патриотического союза Курдистана Джеляля Талабани, но и стратегически выгодно пойти на такой шаг. В марте 1993 г. он в одностороннем порядке объявил о прекращении огня начиная с 20 марта.

Эта дата была выбрана не случайно: курды отмечают Навруз (Новый год), именно 20—21 марта происходили политические демонстрации и столкновения с полицией. Премьер-министр Сулейман Демирель в марте 1992 г. призывал к мирному празднованию Навруза. Это должно было стать подтверждением намерений, если вспомнить его слова от марта того же года, когда турецкие СМИ распространили заявление об «ошибочности ассимиляционной политики в отношении курдов» [3. С. 111]. Примечательно, что в 1992 г. в Стамбуле вышла первая общенациональная газета на курдском языке «Ружнаме» («Газета»), также было объявлено об открытии курдского института. Однако среди самих турецких властей не было единой позиции, особенно негативно к идее диалога с РПК относились военные.

И без того хрупкий турецко-курдский политический процесс после неожиданной смерти в 1993 г. президента Озала был приостановлен. Турецкие власти, традиционно негативно относившиеся к идее автономии, которая в политической среде воспринималась как де-факто независимость и потеря территории, не могли пойти на уступки в этом вопросе. Признание «культурно-национального своеобразия курдов в рамках конституции, либо создание той или иной формы культурной автономии в Турецком Курдистане означало бы признание того факта, что РПК контролирует ситуацию в курдском регионе» [4. С. 244], а это стало бы ударом по территориальной целостности республики в глазах властей.

Уже к 1994 г. противостояние приняло масштабы гражданской войны. Сторонники Оджалана также мобилизовали военный потенциал, активизировали террористическую деятельность в крупных городах и партизанские действия. РПК в начале 1995 г. провела свой съезд в Армении, в ходе которого было принято решение усилить борьбу за достижение целей независимости курдов. Ответ со стороны Анкары не заставил себя долго ждать: в марте 1995 г. армия совместно с ДПК Барзани и ПСК Талабани начала операцию против баз РПК на севере Ирака, однако она не привела к перелому в противостоянии. Попыткой силового решения конфликта стало очередное вторжение турок в Ирак в сентябре 1997 г., но и это не закончилось разгромом сторонников Оджалана.

Тогда Турция изменила методы борьбы с курдами, активизировав политико-дипломатические усилия. В октябре 1998 г. Анкара заставила Дамаск отказаться от поддержки РПК, что было отражено в Аданском соглашении, положения которой вписывались в новый курс властей, направленный на «выдавливание» курдов из Сирии, где они получили для себя надежное убежище и возможность руководить действиями курдских боевиков как в северном Ираке, так и в Турции» [7. С. 265]. А. Оджалан покинул Сирию: за короткое время он не смог найти убежище ни в России, ни в Италии, ни в Греции, в результате чего был захвачен турецким спецназом в Найроби и отправлен в Турцию.

В ходе следствия он объявил об отказе от вооруженной борьбы, что привело к изменениям программных установок партии, а в 2002 г. в результате работы VIII съезда РПК была создана новая политическая

структура — «Конгресс свободы и демократии», которая фактически явилась той же РПК под другим наименованием. Изменились и теоретические воззрения самого Оджалана, который с 1999 г. отбывает пожизненное тюремное заключение. Он указывал на необходимость демократизации в Турции, при этом РПК должна была перенести свою борьбу в политическую плоскость. Отныне главным врагом признавался не «турецкий колониализм», а «олигархические элиты», являющиеся проводниками национализма. А. Оджалан призывал к снятию запретов на использование курдского языка, что должно было послужить стимулом к развитию национальной культуры в Турции. Казалось, что курдский вопрос, сначала игнорируемый правительством, а затем жестко отразившийся на внутривнутриполитической стабильности, был закрыт.

Однако в начале 2000-х гг. произошла новая вспышка, поставившая вопрос о возможном появлении курдской государственности. Можно предположить, что цепь событий этого периода и стала катализатором к обострению противостояния между Турцией и курдами в целом, в особенности сирийскими. Появление же на политической арене Партии справедливости и развития (ПСР) и интернационализация курдского вопроса стали точкой бифуркации для региона.

Курдский вектор политики Реджепа Тайипа Эрдогана: первые шаги

В конце XX — начале XXI в. «под давлением европейских структур турецкие власти потеряли возможность отрицать курдский вопрос» [10]. Придя к власти в 2002 г., ПСР не считала себя преемницей курса Ататюрка, апеллируя к имперскому прошлому, когда стратегический турецко-курдский союз позволил вытеснить автохтонные народы из Восточной Анатолии, в частности армян. В Османской империи была важнее наднациональная надстройка, что нивелировало бы сугубо турецко-курдские противоречия. Данная логика вписывалась в стратегию примирения с курдами, что имело определенный ряд причин и проявилось в некоторых мерах турецкого правительства.

ПСР, как известно, стремилась выполнить требования ЕС по вступлению, т. к. еще в марте 1995 г. чиновники в Брюсселе связали данный вопрос с принятием Анкарой мер по политическому урегулированию курдской проблемы. С 2002 г. на специальных курсах было разрешено преподавание родных языков, в том числе курдского. В июне 2004 г. на турецком канале TRT началось вещание на курдском и арабском языках. В первой половине 2000-х ПСР инициировала целый пакет законов, призванных снять остроту в противостоянии с курдами, что также было выгодно для партии в рамках «ограничения влияния военных на принятие политических решений и снижение их роли в органах государственного управления» [7. С. 271—272]. Верховное национальное собрание Турции отменило чрезвычайное положение в юго-восточных провинциях и исключило из Закона о борьбе с тер-

роризмом статью 8, согласно которой предусматривалось тюремное заключение за пропаганду, содержащую угрозу целостности государства.

Однако ключевые события развернулись в соседнем Иракском Курдистане: в ходе американского вторжения курдские пешмерга стали активно поддерживать борьбу с Саддамом Хусейном. В данном конфликте позиции США и Турции разошлись: если для Вашингтона ключевым врагом являлся сам Хусейн, то для Анкары таковым было именно набиравшее обороты курдское движение. Уже в марте 2003 г. турецкое руководство официально объявило о том, что Анкара будет рассматривать провозглашение автономии или независимости иракских курдов как прямой повод для проведения военной операции на севере Ирака. Вдобавок ко всему ВНСТ приняло закон, по которому запрещалось предоставление иностранным государствам территории Турции и ее баз для вторжения в Ирак.

Несмотря на то, что в апреле 2003 г. туркам удалось добиться эвакуации курдов из Киркука, уже в августе в Турцию проникли боевики Народного конгресса Курдистана, что привело к столкновениям в районе Сиирта. Новой точкой невозврата стало заявление руководства Народного конгресса Курдистана в мае 2004 г. о том, что перемирие, достигнутое в 1999 г., не имеет смысла и подрывается действиями турецких спецслужб. Создание в 2005 г. новой нелегальной политической организации «Союз сообществ Курдистана» (ССК) лишь усилило военное противостояние за счет включения в состав ССК вооруженных сил курдской самообороны (HPG). Настоящей катастрофой стал поджог аэропорта им. Ататюрка в Стамбуле в мае 2005 г., ответственность за который взяла на себя организация «Свободные соколы Курдистана», ставшая одним из многих внесистемных вооруженных курдских формирований того периода. Серия взрывов летом 2006 г. прогремела в Стамбуле, Анталье и Измире. Степень напряженности и противостояния достигала критической точки, что не вписывалось в программные установки ПСР. Принятие же конституции в соседнем Иракском Курдистане в 2005 г. стало головной болью для Анкары, которая буквально была осаждена курдским вопросом.

Сумев пройти через период кризиса в курдском вопросе, в 2009 г. стороны, казалось, шли навстречу друг другу в вопросе политического урегулирования. Предложенная Реджепом Тайипом Эрдоганом демократическая «курдская инициатива» коррелировалась с «Дорожной картой», составленной А. Оджаланом, в которой последний предлагал отказаться от ключевого для Турецкой Республики принципа «одна нация — одно государство». Но взаимное недоверие, формировавшееся на протяжении десятилетий, дало результат: в июле 2011 г. на юго-востоке страны у города Силван произошли столкновения турецких частей с апочистами, в результате чего курдская организация «Конгресс демократического сообщества» (КДС) провозгласила автономию Турецкого Курдистана. Это лишь доказывало глубокую пропасть между

турками и курдами в решении межэтнического вопроса, который, к сожалению, во многом лежит в основании самого турецкого государства. В результате достигнутое в марте 2013 г. перемирие не смогло стать фактором долговременной стабильности. Важно отметить, что в 2012 г. курдское движение отчасти институционализировалось в виде Демократической партии народов (ДПН) во главе с этническим курдом Селлахаттином Демирташем.

Курды — кровотокащая рана политики неоосманизма

С этого момента курдский вопрос для правительства Эрдогана, вставшего на путь непримиримой борьбы со всеми проявлениями отхода от концепции «одна нация — одно государство» и проводящего политику в духе неоосманизма и пантюркизма, стал ключевым не только для сохранения унитарного характера государства, но и для реализации своих имперских устремлений.

Легализация политической борьбы посредством создания Демократической партии народов (ДПН), выступающей за права всех национальных меньшинств, стала поводом для противостояния с Партией справедливости и развития (ПСР), чье руководство неоднократно обвиняло активистов ДПН в пособничестве курдским боевикам, а сам Эрдоган предлагал привлечь ее членов к ответственности, что «перечеркнуло все предыдущие шаги, сделанные в отношении курдов» [1. С. 53]. Камнем преткновения, несмотря на объявленное в марте 2013 г. перемирие, стал вопрос о разоружении боевиков Рабочей партии Курдистана (РПК) при их переходе в Кандильские горы в Ираке.

Сторонники Оджалана в лице ДПН настояли на необходимости сохранения отрядов пешмерга в качестве сил самообороны. Когда же летом 2015 г. во время выборов в Великое национальное собрание Турции (ВНСТ) прокурдская ДПН преодолела 10% барьер, а ПСР оказалась в меньшинстве, что помешало скорейшему переходу Турции к суперпрезидентской системе, на чем настаивал Эрдоган, курдский вопрос окончательно и бесповоротно стал главной мишенью турецкого лидера.

Последовавший за этим теракт в Суруче в июле 2015 г., который, по мнению курдов, был организован ИГИЛ¹ при содействии турецких спецслужб, стал предтечей к новому витку противостояния. В рамках конфликта турецкая сторона, опасаясь чрезмерной активности еще и сирийских курдов, перешла в наступление: в 2015 г. турецкие войска были введены в Ирак, а их целью стали местные пешмерга и отряды РПК. Деятельность этой организации активно характеризуется турецким руководством как террористическая, что должно оправдывать вторжение своих частей в Ирак и Сирию под предлогом борьбы с ИГИЛ, — хотя турецкое правительство «между противодействием ИГИЛ и операциями против курдов выбирает последнее» [5].

¹ Запрещенная в РФ террористическая организация.

Проведенная в августе 2016-го — марте 2017 г. турецкая операция «Щит Евфрата» была направлена уже против сирийских курдов в лице партии «Демократический союз», чья активность в создании автономии Сирийского Курдистана (Рожава) в 2014 г. серьезно беспокоила Анкару. Пресловутая идея о буферной зоне на турецко-сирийской границе подтолкнула Эрдогана на решительные меры, что проявилось 9—22 октября 2019 г. в новой операции «Источник мира», целью которой явно были не остатки террористических группировок.

Анкаре придется так или иначе искать пути решения своего конфликта с курдами, ведь курдская проблема связывает ей руки, ограничивает роль Турции и делает ее «одним из источников фундаментальных дилемм региона» [2. С. 90], что противоречит политике неоосманизма. Однако в самой курдской среде необходимо прийти к общему знаменателю, что представляется практически невозможным на данный момент.

Исторические корни турецко-курдского конфликта и его дальнейшая интернационализация доказывают, что курдский вопрос является ключевой проблемой собственно турецкой государственности, чья система строилась на отрицании этнических меньшинств. Вплоть до 1980-х гг. применительно к курдам употреблялся термин «горные турки», что, конечно, укладывалось в рамки концепции «одна нация — одно государство», но не соответствовало действительности. Яростная борьба с собственными курдами словно трансформировалась в противостояние с остальными составляющими курдского народа в лице сирийских курдов, несмотря на сотрудничество с их иракскими собратьями.

Турецкое руководство в лице Реджепа Эрдогана, видимо, исчерпало ресурсы для политического диалога, сделав ставку на вооруженное противостояние, приспособив его к собственным стратегическим внешнеполитическим целям в отношении соседних государств, в частности Сирии. Идея о создании буферной зоны на турецко-сирийской границе наталкивается на присутствие курдских пешмерга, которые рассматриваются в Анкаре как возможный фактор активизации действий турецких курдов. С другой стороны, активность на сирийском направлении против партии «Демократический союз» и местных курдов может стать практической реализацией доктрины неоосманизма.

Так или иначе, но курдский вопрос преследует Турцию как во внутривнутриполитической сфере, так и при выстраивании внешней политики, которая в последние годы становится все более динамичной и наступательной. По этой причине «крайняя заинтересованность Турции в решении курдского вопроса в ближайшем будущем не вызывает сомнений» [7. С. 273]. Ключевой становится проблема методов его решения, которые, к сожалению, далеки от мирного урегулирования. Приходится констатировать, что сегодня обе стороны вольно или невольно избрали путь вооруженного конфликта. И Ближний Восток в очередной раз становится заложником межэтнического противостояния, принимающего все больший размах.

Литература

1. **Аватков А. В.** Внутренняя политика Турции 2002—2018. М. : Юрайт, 2019.
2. **Бжезинский З.** Выбор : Мировое господство или глобальное лидерство. М. : Международные отношения, 2004.
3. **Вертяев К. В.** Курдский вопрос в политике Турции (конец XX — начало XXI в.) / под ред. Ш. Х. Мгои. М. : Институт Ближнего Востока : Институт востоковедения РАН, 2007.
4. **Вертяев К. В., Иванов С. М.** Курдский национализм : История и современность. М. : Ленанд, 2018.
5. **Вершинина Н. В.** Курдская проблема в современной Турции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2016. № 8.
6. **Кальвокоресси П.** Мировая политика после 1945 года. М. : Международные отношения, 2016.
7. Конфликты на Востоке : Этнические и конфессиональные / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : Аспект Пресс, 2008.
8. **Лазарев М. С.** Курдистан и курдский вопрос (1923—1945). М. : Восточная литература РАН, 2005.
9. **Налбандян З.** Турция и пантуранизм / Зареванд ; введ. А. М. Мандельштама. М. : Ключ-С, 2015.
10. **Умяров Н. О., Терехина Ю. В.** Курдский вопрос в Турецкой Республике // Вестник Казанского технологического университета. 2014. № 18.
11. **Gavan S. S.** Kurdistan: Divided Nation of the Middle East. L. : Lawrence & Wishart, 1958.
12. **Şimşir B. N.** Kürtçülük II (1924—1999). Ankara : Bilgi, 2009.
13. **Toynbee A. J., Kirkwood K. P.** Turkey. N. Y. : Scribner's Sons, 1927.
14. **Yavuz H. M.** Five Stages of the Construction of Kurdish Nationalism in Turkey // Nationalism & Ethnic Politics. 2001. Vol. 7(3). ◆